

ЯЗЫК ЗАКОНА КАК ОСОБЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Н.В. Маланина

В последнее время в лингвистике, юриспруденции всё чаще ставится вопрос о качестве законодательных документов, принимаемых как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта Российской Федерации. Тексты законодательных актов, являясь важнейшим элементом правовой системы общества, редко становятся объектом лингвостилистического анализа, в то время как представляют для этого богатейший материал, так как изучение особенностей функционирования текстов нормативно-правовых актов открывает возможности для расширения понимания языка закона не только как понятия юридического, но и для восприятия его как отражения языкового сознания участников коммуникации в законодательной сфере.

Язык закона является элементом законодательной техники, под которой понимается система основанных на практике творчества и теоретически осмысленных принципов и правил формального конструирования текста законодательного акта, приёмов подготовки наиболее совершенных по форме и структуре законопроектов, обеспечивающих максимально полное и точное соответствие формы нормативных предписаний мысли законодателя, лёгкую обозримость нормативного материала, доступность для восприятия, исчерпывающий охват регулируемых вопросов, внутреннюю согласованность и непротиворечивость системы законодательства.

В литературных источниках язык закона обозначается различными терминами: язык законодательных, нормативных актов, юридический, законодательный язык, государственный язык, официальный язык. Предпочтительней употребление термина язык закона, так как истоки формирования данного понятия исходят из обозначения его как элемента законодательной техники.

В общем, перечисленные термины являются синонимами к понятию «язык закона», с той лишь разницей, что не каждый нормативный, юридический акт может являться законом. Нормативный юридический акт (более широкое понятие) можно применить, например, к подзаконным актам нормативного характера, но тогда здесь более употребительно понятие «юридическая техника», совокупность требований которой распространяется на весь юридический мас-

сив документов. Нас же интересует более узкое понятие – закон (проект закона), правила создания которого охватываются таким понятием как «законодательная техника». В данном случае существует юридическая тонкость, которую необходимо учитывать при исследовании языка закона.

Что же понимать под языком закона?

В сфере юридической речи мы имеем дело с документом, то есть с деловой бумагой, обладающей юридической силой, и сам этот факт обуславливает письменный характер реализации языковых средств официально-делового стиля. В то же время письменный характер делового документа не может не влиять на его язык: письменная речь – речь в отсутствии собеседника, требующая развёрнутости и полноты изложения в целях придания своему содержанию логичности, понятности. Требование логичности и аргументированности изложения документа официально-делового стиля особенно необходимо соблюдать в синтаксисе этого стиля в связи с преобладанием в подобных документах усложнённых конструкций и сложноподчинённых предложений.

Такие особенности языка закона, как точность, чёткость, сжатость, позволяют условно говорить об особом юридическом языке, «особенностями которого являются императивный стиль изложения, определённая и точность мысли законодателя» [1, с.146]. Его лавная задача – добиться высокой определённости при максимальной простоте, учитывая такие стилеобразующие признаки официально-делового стиля, как конкрет-

ность содержания и абстрактность форм выражения, так как функциональный стиль представляет собой обобщение, которое основывается на группах текстов, обслуживающих коммуникативные сферы, являющиеся характерными для этих сфер. Но если раньше, как отметил Д.Э. Розенталь [2, с.29], исследователи исходили из «определения», то теперь предпринимаются попытки идти от «материала», обращаясь к реальному функционированию языковых средств в текстах (в речи). Именно в целях выявления того факта, насколько употребление языковых средств в текстах законов соответствует нормам современного русского языка, нас интересует вопрос о языке закона.

Так или иначе, язык закона заслуживает изучения, особенно лиц, осуществляющих подготовку законопроектов, так как язык закона, обладая особенностями официально-делового стиля, является элементом законодательной техники. Речь идёт о более широком явлении языка права как особого лексического строя речи. Язык закона – это язык с его определённой терминологией, которая обозначает особые юридические понятия. Язык закона – это язык законодательного акта.

Язык, возникший из необходимости общения людей, обладает общественными функциями, например: конструктивная (формулирование мыслей); коммуникативная (функция общения, сообщения); эмотивная (выражение отношения говорящего к предмету речи и непосредственная эмоциональная реакция на ситуацию), функция воздействия на адресата [3, с.7].

Какова же основная функция языка закона?

Юристы считают, что, так как язык выражает волю законодателя и доводит её до общества, то «язык закона выполняет конструктивную и коммуникативную функции» [4, с.22]. Но данные функции язык выполняет во всех сферах общения. В праве же через язык происходит воздействие на сознание людей, побуждение их на совершение действий в соответствии с нормами определённого закона, то есть побуждение вести себя должным образом.

Таким образом, основной функцией языка закона можно считать функцию долженствования (например: «производство уголов-

ного дела прекратить»; «...признать виновным...» [5, с.245-246]). Но необходимо отметить, что способы проявления долженствования многообразны, они зависят от характера регламентирования.

Язык закона отличается главным образом стилистикой, внутренним строем, а не особой терминологией, характерной, в первую очередь, для специального языка. В законодательстве особое внимание уделяется логичности, последовательности, связности, точности изложения. Тот факт, что право призвано регулировать общественные отношения, определяет и следующую особенность языка закона – максимальную точность его выражения. Венгерский ученый И. Сабо полагает, что «то, что называют «юридическим языком», на самом деле есть не что иное, как обиходный язык, дополненный специальными выражениями, техническими терминами, язык, который более точно употребляет и выражения, встречающиеся в повседневной жизни» [5, с.246]. То есть необходимы достижения наибольшего соответствия между идеей законодателя и ее выражением в нормативном акте как литературном произведении письменной речи, поэтому для текста закона характерны монологический способ изложения, логическая последовательность, завершённость и полнота, что достигается путём эффективного использования законодательной техники, учёта стилиобразующих признаков, традиций, вытекающих из особенностей языка закона как разновидности официально-делового стиля.

Итак, язык закона, в нашем понимании, – это один из элементов законодательной техники, функционирующий в сфере законотворчества с перспективой реализации в правовой системе общества и обладающий конструктивной, коммуникативной, эмотивной функциями при основной – функции долженствования.

С позиции лингвистики, законодательный текст – это определённого рода сообщение, которое объективировано в виде официального письменного документа и состоит из определённых единств, объединённых разными типами лексической, грамматической и логической связи, а также имеет модальный характер и прагматическую установку [6]. То есть при написании нормативно-

ЯЗЫК ЗАКОНА КАК ОСОБЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

го акта необходимо грамотно использовать правила языка, на котором ведется его подготовка. «Нормативный акт необходимо писать на литературном языке с соблюдением всех общепринятых в момент принятия акта правил грамматики и синтаксиса» [4, с.13].

Язык закона сформирован на базе средств литературного языка, однако его специфика определяется особым назначением права – регулировать общественные отношения, отсюда предписывающий характер его установлений. Для выражения в словесной форме замысла законодателя существуют специальные средства, приёмы, которые применяются преимущественно в сфере правотворчества. Язык закона отличается особой стилистикой, которую А.А. Ушаков назвал «наукой о словесном мастерстве законодателя» [7, с.14]. Основными особенностями закона, по мнению многих исследователей [4, 27], являются официальность, документальность, ясность и простота изложения, точность, экономное использование языковых средств, стандартное расположение материала, обязательность и логическая выдержанность формы, повествовательный характер изложения, отсутствие эмоционально-экспрессивных речевых средств.

По нашему мнению, язык закона является фрагментом специфического восприятия языка, отличающийся специфическим словарём, то есть терминологией, определёнными языковыми правилами. Несмотря на то, что закон обладает всеми свойствами письменного документа и правового акта, он представляет собой сложное образование. Единство формы и содержания закона находит выражение во внутреннем «устройстве» нормативного материала и в языке. На наш взгляд, язык закона реализуется в законодательном предписании через осмысленные языковые средства – лексические, стилистические и другие. Эти средства подчинены главной теме законодательного акта, выражению основных понятий, категорий и терминов.

Вопросы языка закона ещё недостаточно разработаны в научной литературе. Опираясь на положения, выдвинутые А.А. Ушаковым, можно сформулировать следующие стилистические особенности языка закона: ему присущи обобщённость используемых слов, выражающаяся в своеобразной юриди-

ческой афористичности, когда построение фраз преследует цель построения языковой ткани терминов; не допускаются образные сравнения, эпитеты, метафоры; точность выражений должна сочетаться с простотой и доступностью. Представляют интерес лексика и грамматика законодательства. Их анализ необходим для характеристики языка закона и для понимания законодательного стиля [7, с.87-186]. Рассматривая стилистический уровень языка закона, А.А. Ушаков выделяет такое понятие как законодательный стиль, под которым понимает общественно-осознанную и функционально обусловленную, внутренне объединённую совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в области правового строительства, которая соотносена с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой практике общества [7, с.143].

Язык закона необходимо рассматривать, на наш взгляд, не только с позиции литературного языка, но и, прежде всего с точки зрения использования юридических дефиниций и терминологии, а также применения других научных понятий и категорий в целях придания общего смысла всем конкретным регулятивным средствам, определяя их содержание и связи. Данная точка зрения относится, прежде всего, к использованию языковых средств, терминов, при построении которых не допускаются какие-либо неясности.

Но необходимо отметить, что язык закона принадлежит не только области юриспруденции, но и лингвистике. Языковая форма закона должна считаться с языковой культурой народа, так как развитие закона зависит от истории общенародного литературного языка, как и язык в целом, является средством общения общества. При всей специфичности языка закона, он следует литературному языку. Эта закономерность развития языка законов подчёркивается и в юридической, и в лингвистической науках, «которые исходят из того, что в языке законов нет ничего, не имеющего связи с языком в целом, находящегося в противоречии с ним» [7, с. 142]. Поэтому специфику нормативно-правового предписания можно понять с учётом лингвистических условий проявления законо-

дательного стиля.

Нельзя не согласиться с мнением А. Ушакова по поводу того, что «соотношение между языком в целом и законодательным языком — это соотношение между общим и частным» [7, с.142]. Однако нельзя не учитывать и современные исследования в области языка закона, трактующие его как особый юридический язык, обладающий рядом специфических черт [4, с.28]. Язык закона использует общие для языка в целом лексические, стилистические и другие явления. Для языка закона характерны особые принципы отбора и сочетания речевых средств, в результате чего и создаётся особая организация языковых средств, свойства которых определяются тем фактом, что язык закона обслуживает сферу права, как регулятора общественных отношений, теми задачами, которые стоят перед языком в правовой сфере.

Особого внимания заслуживает вопрос подготовки закона.

Право воспринимается, интерпретируется и реализуется непосредственно через язык (текст, речь), поэтому выявление на стадии подготовки проекта законодательного акта логических, речевых, стилистических ошибок — задача исключительно важная и необходимая, поскольку законотворческие ошибки влияют на качество нормативно-правового акта.

Особое внимание при работе над языком законодательных документов должно быть уделено описанию аномалий, то есть «нарушений правил употребления каких-либо языковых единиц» [8, с.50]. Языковые и смысловые ошибки, совершённые в процессе формулирования закона, затрудняют однозначное толкование правовых норм, тем самым снижая эффективность документа, поэтому лингвостилистический анализ нормативно-правового предписания на стадии подготовки законопроекта является важным способом предотвращения аномалий в тексте закона.

Применительно к тексту законодательного акта целесообразно говорить о так называемых ненамеренных аномалиях.

По мнению Ю.Д. Апресяна, ненамеренные аномалии условно можно разделить на конструктивные (типичные) и деструктивные (индивидуальные) [8, с.50].

Конструктивные аномалии показательны с точки зрения развития языка. Подобные аномалии могут выступать как новые явления, как «источник обновления развития языка» [8, с.64].

В современном русском языке выделяют два типа конструктивных аномалий: 1) порождаемые противоречием между системой и узусом; 2) порождаемые противоречиями в самой системе [8, с.25].

В лингвистике под системой языка понимается «набор имеющихся в нём единиц и правил их использования» [8, с.64]. Узус — реальное употребление, «реальное использование языковых единиц и правил в текстах» [8, с.64].

В основном ситуация такова, что узус соответствует системе языка, тем самым ограничивая возникновение аномалий. Но не исключено противоречие между реальным употреблением языковых единиц и системой языка. При таком несоответствии возникает два типа языковых аномалий: 1) объект (единица или правило) уже встречаются в узусе, но ещё не представлены в системе; 2) объект может быть выведен по правилам системы, но не представлен в узусе, то есть противоречит существующей языковой практике» [8, с.67].

Деструктивные аномалии, в противоположность конструктивным, представляют собой «невольные или нерегулярные языковые ошибки, сделанные то ли не по достаточному знанию языка, то ли подсознательно, то ли случайно» [8, с.67]. Данное определение логично вписывается в систему текстовых аномалий, «отражающих, по результатам стилистического анализа, низкий уровень языковой компетенции и слабое языковое чутьё автора публикаций» [9, с.18].

Отметим, что согласно типологии текстовых аномалий, составленной Т.В. Чернышовой [9, с.18], различают смысловые и не смысловые (языковые) аномалии. Первоначальное восприятие смысловых аномалий затруднено, в отличие от языковых.

При наличии смысловых аномалий происходит нарушение механизма мышления, следствие которого могут быть фактическая ошибка (неверное формирование понятий) и (или) логическая (алогизм) ошибка (нарушение связей между понятиями). Среди логических ошибок можно

ЯЗЫК ЗАКОНА КАК ОСОБЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

выделить нарушения логики рассуждения и логики изложения.

При наличии языковых аномалий происходит нарушение механизма речеобразования, следствием которого является нарушение языковой нормы (фонетической, лексической, грамматической, синтаксической, стилистической сочетаемости).

Данная система классификации текстовых аномалий облегчает их поиск в текстах законодательных актов при анализе нормативно-правового предписания, так как содержит алгоритм классификации аномалий в зависимости от их формальных, содержательных показателей.

Руководствуясь методикой анализа реального акта письменной коммуникации, которую представил Б.С. Мучник в своей работе «Основы стилистики и редактирования» [10, с.468], обозначим этапы анализа текстов законодательных актов:

- 1) выделение фрагмента анализируемого текста законодательного акта;
- 2) оценка результата первоначального восприятия текста законодательного акта: первоначальное восприятие как произвольный процесс в сознании читающего;
- 3) фиксация результата окончательного восприятия текста законодательного акта на основе смыслового анализа;
- 4) итог сравнения: соотнесенность первоначального и окончательного восприятия. Выявление вида аномалий;
- 5) стилистическая оценка фрагмента текста законодательного акта, с помощью которой классифицируются аномалии разного рода: непосредственно лингвистический анализ текста законодательного акта, юридический аспект нормативно-правового предписания (в тех случаях, где наблюдается несовпадение лингвистических выводов с действующими юридическими нормами, которые принципиальны), обоснование необходимости варианта исправления законодательного текста с учётом соответствия авторскому замыслу (авторский замысел при этом выявлялся на основе личной беседы с составителями законодательного акта);

6) вариант исправления фрагмента текста законодательного акта;

7) оценка варианта правки текста законодательного предписания с учётом сти-

леобразующих признаков, традиций, вытекающих из особенностей языка закона.

Проанализируем фрагмент текста законодательного акта согласно обозначенным нами этапам анализа нормативно-правового предписания:

«Нормативный правовой акт – правовой акт, принятый органами законодательной или исполнительной власти (далее правотворческие органы) в соответствии с их компетенцией и содержащий правоустанавливающие нормы» [11].

На основе первоначального восприятия данного фрагмента закона Алтайского края «О правотворческой деятельности» в его тексте установлено наличие двух смыслов, что позволяет говорить о неоднозначности его содержания. Понимание настоящего правового положения может быть следующим:

- 1) принятие нормативного правового акта осуществляется или только органами законодательной власти, или только органами исполнительной власти;
- 2) понимание фрагмента данного законодательного акта может сводиться к тому, что право на принятие нормативного правового акта принадлежит органам и законодательной, и исполнительной власти.

Выявление единого смысла фрагмента текста законодательного акта может быть установлено путём окончательного восприятия данного законодательного предписания, что необходимо в целях придания однозначности его содержанию. Выявление единого смысла текста возможно на основе определения законотворческой идеи автора, которая сводится к установлению нормы, реализующейся посредством действия органов и законодательной, и исполнительной власти в принятии нормативного правового акта. Необходимо отметить, что авторский замысел выявляется в процессе беседы непосредственно с разработчиком законодательного акта.

На основе первоначального (произвольного, интуитивного восприятия) выявлены два смысла данного законодательного текста, что противоречит языку закона как одному из правил законодательной техники, требующего однозначности понимания. Окончательное восприятие фрагмента не снимает этой двусмысленности. Правильный

смысл может быть установлен лишь с учетом законотворческой идеи автора.

Необходимо отметить, что выявление двух смыслов в тексте законодательного акта является поводом говорить о недостатках в его содержании, которые можно выявить путём нормативно-стилистической оценки фрагмента текста законодательного акта в целях подтверждения нашего суждения о наличии в законодательном тексте двух смыслов.

В данном фрагменте текста законодательного акта установленная законодателем правовая норма не соответствует той идее, которую законодатель хотел выразить с помощью данной правовой нормы относительно предоставления права на принятие нормативного правового акта органам законодательной и (или) исполнительной власти.

В законодательном тексте присутствует союз «или», выражающий определённые грамматические отношения между членами предложения в составе связного текста, а именно: данный союз по классификации разделительный, то есть союз, выражающий «отношения взаимоисключения» [12, с.599], следовательно, в положении указанного закона союз «или» выполняет функцию разделения таких понятий, как «исполнительная власть» и «законодательная власть», что не соответствует идее законодателя, которая выражается в установлении правовой нормы относительно права органов и законодательной, и исполнительной власти на принятие нормативного правового акта в соответствии с их компетенцией. Таким образом, данный фрагмент текста настоящего Закона можно трактовать так – нормативный правовой акт – правовой акт, принятый только или органами законодательной власти, или только органами исполнительной власти, так как между синтаксическими единицами «законодательная» и «исполнительная» присутствует разделительный союз «или». Только в случае, если законодатель при создании данного закона подразумевал бы установление нормы, предусматривающей право на одностороннее принятие нормативного правового акта (или законодательная власть, или исполнительная власть), возможно употребление союза «или» в тексте закона.

Соответствие установленной правовой нормы замыслу законодателя может быть достигнуто путём исправления настоящего фрагмента текста законодательного акта при выявлении единого смысла данного правового фрагмента в целях придания однозначности его содержанию. Предлагаемый вариант исправления следующий: «Нормативный правовой акт – правовой акт, принятый органами законодательной и (или) исполнительной власти (далее правотворческие органы) в соответствии с их компетенцией и содержащий правоустанавливающие нормы».

Данный вариант исправления фрагмента текста законодательного акта наиболее точно передаёт идею законодателя. Наличие союзов «и» в скобках «или» обусловлено следующим: союз «и» по классификации соединительный, «выражающий отношения перечисления» [12, с.599], который соединяет понятия «законодательная» и «исполнительная» власть, в связи с этим, наличие данного союза между указанными синтаксическими единицами подтверждает право на принятие нормативного правового акта органами законодательной и исполнительной власти. Союз «или», указанный в скобках в положении настоящего закона, выражает отношения взаимоисключения между понятиями «законодательная» и «исполнительная» власть. Необходимо именно наличие двух разных по значению союзов, так как наличие в данном законодательном тексте только союза «и» без употребления в скобках союза «или» не предоставляется возможным, так как установление только соединительного союза «и» приведёт к взаимозависимости органов власти, внесёт ограничение относительно их действия, то есть принятие нормативного правового акта будет осуществлено только в случае взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти, что приведёт к нарушению правовой нормы. Таким образом, наличие одновременно двух разных по значению союзов подтверждает право органов какой-либо из указанной власти на принятие нормативного правового акта не зависимо друг от друга.

Рассмотрим пример, демонстрирующий наличие смысловой аномалии (нарушение логики изложения) в тексте законодательного акта:

ЯЗЫК ЗАКОНА КАК ОСОБЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

«Уполномоченный назначается сроком на пять лет, начиная с момента принесения присяги» [13].

При первоначальном восприятии пункта 2 статьи 6 проекта закона «Об Уполномоченном по правам человека в Алтайском крае» (при взаимосвязи данного фрагмента текста проекта закона с другими статьями настоящего законопроекта) наблюдается следующая его интерпретация: 1) назначение Уполномоченного начинается с момента принесения присяги 2) пятилетний срок исчисляется с момента принесения избранным Уполномоченным присяги.

Окончательное восприятие актуализирует в качестве истинного второй смысл: Уполномоченный назначается сроком на пять лет и считается вступившим в должность с момента принесения присяги. Данный смысл соответствует замыслу законодателя.

Необходимо отметить, что исключительно по первоначальному восприятию установлена смысловая ошибка, стилистическая ошибочность данного фрагмента текста законодательного акта, которая явилась поводом для стилистической оценки данного законодательного фрагмента и последующей его правки.

В данном правовом положении нарушение временной последовательности относительно процесса назначения Уполномоченного приводит к появлению разночтений между правовыми нормами отдельных статей настоящего законопроекта. Контекст пункта 2 статьи 6 можно истолковать следующим образом: сначала кандидат на должность Уполномоченного приносит присягу определённого содержания, после чего, депутаты краевого Совета назначают данного гражданина Уполномоченным сроком на пять лет. В действительности, согласно «принципу временной последовательности», течение времени должно происходить следующим образом: гражданин, соответствующий требованиям назначения на должность Уполномоченного (согласно пункту 1 статьи 6 настоящего законодательного документа «На должность Уполномоченного может быть назначен гражданин Российской Федерации, не моложе 35 лет, обладающий высокими моральными качествами, пользующийся доверием населения Алтайского края, имеющий высшее образование, обладающий познания-

ми в области прав и свобод человека и гражданина, имеющий опыт правозащитной деятельности» [13]), назначается на указанную должность в соответствии с положениями статьи 7 настоящего нормативного акта, после чего приносит присягу определённого содержания (пункт 1 статья 8 законопроекта: «При вступлении в должность Уполномоченный приносит присягу следующего содержания: «Клянусь защищать права и свободы человека и гражданина...»» [13]), затем он считается вступившим в должность Уполномоченного (пункт 3 статья 8 проекта закона: «Уполномоченный считается вступившим в должность с момента принесения присяги» [13]). Согласно пункту 2 статьи 8 настоящего законопроекта, присяганосится Уполномоченным после принятия депутатами краевого Совета решения о назначении его на должность (пункт 2 статья 8 законопроекта: «Присяганосится на сессии Алтайского краевого Совета народных депутатов непосредственно после принятия решения о назначении Уполномоченного на должность» [13]).

Срок пребывания Уполномоченного в должности исчисляется с момента принесения присяги.

В целях устранения возможности неоднозначного понимания смысла правового положения, возможен следующий вариант правки: «Уполномоченный назначается сроком на пять лет. Срок пребывания Уполномоченного в должности исчисляется с момента принесения им присяги».

Предлагаемый вариант исправления фрагмента законопроекта устраняет возможность неоднозначного понимания идеи законодателя.

Рассмотрим наличие одновременно языковой и смысловой аномалий в тексте нормативно-правового предписания:

«Обмеривание, обвешивание, обсчёт, введение в заблуждение относительно потребительских свойств, качества продаваемых товаров или иной обман потребителей на рынках – влечёт наложение административного штрафа...» [14].

В тексте законопроекта «Об административной ответственности за совершение правонарушений на территории Алтайского края» содержится языковая аномалия – нарушение стилистической сочетаемости, а

именно, слова «обмеривание», «обвешивание», «обсчёт» принадлежат к разговорной лексике, следовательно, их употребление в законодательном акте не соответствуют его официально-деловому характеру. Употребление разговорных элементов в рамках законодательного текста может являться причиной невысокого уровня речевой культуры составителей нормативно-правового предписания. Но с точки зрения правотворчества употребление слов «обмеривание», «обвешивание», «обсчёт» в рамках законодательного акта может быть рассмотрено как необходимое наличие элементов разговорной речи для более чёткого формулирования законодательной мысли.

Так как нами были обнаружены языковые единицы, имеющие ограниченную сферу употребления: «обмеривание», «обвешивание», «обсчёт», в связи с этим, рассмотрим более подробно фрагмент текста законодательного акта.

«Обмеривание – (разг.) действие по значению глагола обмерить, то есть обмерить – (разг.), отпуская товар, недомерить, обмерить покупателя» [15]; «обмерить (обмеривание) – (разг.) ошибочно или с умыслом отмерить меньше нужного; недомерить (товар)» [16].

«Обвешивать – (разг.) действие по глаголу обвешивать, который восходит к глаголу несовершенного вида обвесить, то есть, отпуская какой-либо товар, недовесить (по ошибке или с целью обмана)» [15]; «обвесить (разг.) (обвешивание) – отпуская какой-либо товар, недовесить» [16].

«Обсчёт (к «обсчитать» и «обсчитаться») – допустить обсчёт (разг.). Уличить кого-либо в обсчёте. Обсчитать – умышленно неверно сосчитать, недодать. Обсчитаться – ошибиться в счёте, неверно сосчитать» [17].

Данные слова принадлежат к разговорной лексике, «которая активно проникает в правовые документы» [18, с.156]. Общим принципом изложения нормативных правовых текстов является отсутствие в них разговорной лексики, так как её употребление связано с экспрессивностью, которая не является характерным признаком языка закона. Правовые нормы есть официальное выражение государственной воли и интересов, а поэтому нейтралитет и «холодность»

стиля правовых документов заложены в природе права, его социальном предназначении. Однако рассматривать в законодательных актах использование слов, принадлежащих к разговорной лексике, только как аномальное явление вряд ли правильно. Использование такой лексики в юридическом регулировании может быть рассмотрено как исключение, как случай правовой целесообразности, когда речь идёт о необходимости достижения правового эффекта в целях доступного восприятия гражданами более привычного в обществе слова, нежели какого-либо специального термина.

Необходимо отметить, что здесь есть и логическая ошибка – нарушение правила деления понятия, так как введение в заблуждение – это и есть «обмеривание», «обвешивание», «обсчёт», поэтому употребление запятой здесь неуместно. Необходимо оформить либо в скобках, например, «введение в заблуждение («обмеривание», «обвешивание», «обсчёт»), либо при помощи двоеточия: введение в заблуждение: то есть обмеривание, обвешивание, обсчёт».

Необходимо отметить, что в результате смыслового анализа выявлено, что синтаксические единицы «обмеривание», «обвешивание», «обсчёт», «введение в заблуждение» не полностью тождественны слову «обман» относительно его определения, а могут являться только разновидностью обмана.

Поясним значение слова «обман» в целях определения отличий от синтаксических единиц «обмеривание», «обвешивание», «обсчёт», «введение в заблуждение», которые могут являться только его разновидностью.

«Обмеривание», «обвешивание», «обсчёт», могут происходить как с целью обмана, так и случайно. «Введение в заблуждение» также может быть осуществлено как с целью обмана, так и случайно. «Ввести – вовлечь во что-либо, привести в какое-либо состояние, например, ввести в заблуждение» [15]. «Заблуждение – состояние по знач. глагола заблуждаться (вести в заблуждение); заблуждаться – неправильно думать, судить о чём-либо, ошибаться в своих представлениях» [15]. Синтаксические единицы «обмеривание», «обвешивание», «обсчёт», «введение в заблуждение» не полно-

ЯЗЫК ЗАКОНА КАК ОСОБЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

стью тождественны слову «обман» относительно его определения, а могут являться разновидностью обмана. «Обман – действие по значению глагола обмануть, то есть это слова, поступки, действия, намеренно вводящие других в заблуждение» [15], таким образом, нельзя говорить о «случайном обмане», так как такого понятия не бывает. «Обман – ситуация, когда одна из сторон сообщает другой стороне неверные сведения о важных элементах сделки, умалчивает об их подлинном существое преднамеренно» [19]. «Преднамеренно – наречие к преднамеренный – заранее обдуманый, намеренный, умышленный» [15].

Так как законодательные акты ориентированы на всё общество, а не только на определённый круг специалистов, необходимо уточнить, что административное взыскание налагается на тех граждан, которые намеренно осуществили, например, «обвешивание покупателя», поэтому в целях более точного установления правовых норм для лиц, которые могут не понять их (норм) смысл, необходимо указать принадлежность слов «обмеривание», «обвешивание», «обсчёт», фразы «введение в заблуждение» к слову «обман» путём расположения указанных слов в скобках, а в словосочетании «введение в заблуждение» необходимо наличие слова «преднамеренное» перед словом «введение». Следовательно, положение данной статьи можно преобразовать следующим образом: «Преднамеренное введение в заблуждение относительно потребительских свойств, качества продаваемых товаров (обмеривание, обвешивание, обсчёт) или иной обман потребителей на рынках – влечёт наложение административного штрафа...».

Наличие слова «преднамеренное» в законодательном тексте необходимо, потому что введение в заблуждение может быть и случайным, а так как в рамках данного контекста установлена правовая норма, регулирующая административную ответственность за факт обмана потребителей, слово «преднамеренное» логически вписывается в законодательный контекст. Употребление в скобках слов «обмеривание», «обвешивание», «обсчёт» позволяет в какой-то мере не акцентировать принадлежность данных слов к разговорно-бытовой речи.

ПОЛЗУНОВСКИЙ ВЕСТНИК № 3 2006

Предложенный вариант исправления фрагмента текста законодательного акта является более структурированным относительно его восприятия.

Таким образом, в данном примере наблюдаются следующие аномалии: языковая стилистическая и смысловая логическая (нарушение логики рассуждения).

Отметим, что в процессе создания законодательного текста автор стремится запечатлеть актуальное для него содержание. Если брать за основу творческого акта мыслительный процесс, то реалии, предметы служат для него мотивом, а результатом является фиксация смысла, идеи законодательных предписаний в языковых единицах, с учётом своеобразного стиля нормативно-правового документа, где объединены все языковые средства, соответственно его замыслу, которые используются законодателем при создании проекта закона.

Исходя из сказанного, можно определить законодательный текст как устойчивую, завершённую, замкнутую систему, сформированную на основе динамического взаимодействия языковых элементов, репрезентирующих авторский смысл и язык закона. Отсюда одной из задач лингвиста, исследующего смысл законодательного текста, является уяснение системы языковых средств, использованных законодателем для воплощения идейного замысла закона, и изучение функций и значений, как отдельных элементов нормативно-правового текста, так и текста в целом с учётом стилистических признаков языка закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Государство и право. – М., 1966.
2. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М., 1998.
3. Рахманин А.В. Стилистика деловой речи. – М., 1997.
4. Пиголкин А.С. Язык закона: черты, особенности // Язык закона. – М., 1990.
5. Сабо И. Социалистическое право. – М.: Прогресс, 1964.
6. Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Вопросы языкознания. – М., 1974, № 6.
7. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Ч. 1, 2. – Пермь, 1967.
8. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы

- и функции // RES PHILOLOGIA. Филологические исследования. – М., Л., 1990.
9. Чернышова Т.В. Стилистика русского языка. Методическое пособие. – Барнаул, 2001.
 10. Мучник Б.С. Основы стилистики и редактирования. – Ростов-на-Дону, 1997.
 11. Закон Алтайского края «О правотворческой деятельности». Сборник законодательства Алтайского края 1995, № 3.
 12. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1997.
 13. Проект закона Алтайского края «Об Уполномоченном по правам человека в Алтайском крае» от 26.09.02. сессии № 28 Алтайского краевого Совета народных депутатов.
 14. Проект закона Алтайского края «Об административной ответственности за совершение правонарушений на территории Алтайского края» от 25.04.02. сессии № 24 Алтайского краевого Совета народных депутатов.
 15. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999.
 16. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – С.-П., 2000.
 17. Русский толковый словарь / Под ред. В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной. – М., 1997.
 18. Законодательная техника: Научно-практическое пособие под ред. Ю.А. Тихомирова. – М., 2000.
 19. Толковый юридический словарь для бизнесменов / Под ред. В.М. Хинчука, В.Б. Ляндреса. – М., 1992.